

ЯНА ЯСНА
СВЕТЛАНА НАРВАТОВА

НЕ ЖЕНЩИНА ЗАГАДКА

18+

Слуги Амон Ра

Светлана Нарватова
Не женщина - загадка!

«Яна Ясная»

«Автор»

2026

Нарватова С.

Не женщина - загадка! / С. Нарватова — «Яна Ясная», «Автор», 2026 — (Слуги Амон Ра)

Есть такие женщины, такие!.. Ах, какие бывают женщины!!!!..а есть Марша Сандерс.Это, кстати, я. И у меня Египет головного мозга, крыса на работе, бардак дома и шикарный мужик на кухне. Мужика не трогать! Египет головного мозга мне нравится. С крысой и бардаком разделается Зак, хотя о последнем я не просила. Что мне ещё нужно? А! Отдайте мне браслет! #в_тексте_есть_энергичная_бабушка#a_может_бросить_все_и_уехать_в_Египет? #крыс_крыс_крыс!#нет_я_тут_ни_при_чем!!!#где_мой_браслет?!График выкладки: понедельник, среда, пятница, изредка может быть выкладка на следующий день после заявленного.

© Нарватова С., 2026

© Яна Ясная, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дюжину скорпионов мне в печень	5
Глава 2. Сокровища	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Не женщина - загадка!

Глава 1. Дюжину скорпионов мне в печень

Зак

Смотреть на Маршу Сандерс, у которой из обожаемого и охраняемого ею хранилища кто-то что-то спер, — отдельное удовольствие. Эстетическое.

И экстремальное — потому что у мисс Сандерс от королевы драмы, горестно ломающей пальцы: "Как такое могло случиться?!", до викинга в приступе боевого безумия: "Ублюдки вшивого тролля! Я найду их! Смешаю с землей! Они пожалеют, что родились на свет!" — разгон секунды четыре.

Она свирепо раздувала крылья носа, трясла головой и яростно рвала в клочья зеленые листья салата, рассказывая о подмене ее собственного личного браслета в ее собственном личном хранилище ее собственного личного музея, и говорила, что и в какой последовательности сделает с мерзкими похитителями (которые тоже как-то незаметно оказались ее собственными, личными похитителями). Горка зеленых кусочков наполняла салатник, а я жарил стейки, сосредоточенно кивал, сочувственно хмыкал в нужных местах и думал, что меня, кажется, охренеть как сильно били по голове.

Или это мисс Марша Сандерс исключительно деструктивно влияла на мои мозги вообще и профессиональные навыки в частности. Я размышлял на тему, как бы поаккуратней допросить девушку, которая не может выбрать, идти ей в аптеку за сердечными каплями или в холл за клюшкой для гольфа, и пока не находил решения. Вообще допрашивать девушку, из-за которой у тебя в штанах тесно, — задача со звездочкой. А допросить Маршу было необходимо: в ее изложении события звучали очень драматично, но нихрена не информативно.

— Стоп. Давай начнем сначала, — предложил я, когда поток эмоций начал иссякать: примерно с уровня разрушительного горного паводка до весеннего ручья.

— Давай, — мрачно согласилась она. — Привет, незнакомец на моей кухне! Неплохо выглядишь! Я — Марша, а ты кто и как ко мне попал? Морелли, не смотри так недоуменно, я не сошла с ума... По крайней мере, более сумасшедшей, чем была сегодня утром, когда разрешила незнакомому мужику остаться в моем доме, не стала. И амнезия меня не поразила на почве горя и утраты. Я просто пошутила. Шутка, понимаешь?!

Так, кажется, фаза экзистенциальной тоски по утраченному сокровищу сменилась агрессией быстрее, чем я ожидал, и теперь мисс Сандерс готова отрывать головы виновным. Если виновных нет — голову можно оторвать кому подвернется.

Присыпав покрытые золотистой корочкой стейки приправами — всего щепоткой, буквально несколько крупинок соли, по паре горошин розового перца и листиков розмарина, я плотно накрыл сковороду крышкой и оставил мясо отдыхать до готовности, сполоснул руки и тщательно их вытер. Подошел и сел прямо на пол у Маршиных ног, сразу оказавшись в два раза ниже ее, сидящей за столом, и миролюбиво согласился:

— Ну вот такой вот я зануда. Тебя же коллеги предупредили, что у меня чувства юмора нет?

— Ну... да. И о том, что ты зануда, тоже.

— Теперь ты знаешь обо мне всё! Давай сначала. Итак, ты отъехала от дома...

— Это неважно!

— Как это неважно? Это очень важно! Вот ты выехала из дома в сторону города, и в проулке слева заметила черный Юкон.

— Какой ещё "Юкон"? — взвилась Марша.

— Черный. Шевроле Юкон. Такой большой внедорожник. — Я развел руки вширь, как заядлый рыбак, показывающий размеры улова.

— Не было там никакого внедорожника!

— Или ты не заметила?

— Морелли, не беси! Я здесь каждую собаку в лицо знаю, не говоря о машинах. Я бы непременно обратила внимание на чужой транспорт.

— Хорошо. — Я одобрительно кивнул. — А вчера, когда ты возвращалась, ты его там не видела? Или тебе было не до чужих машин?

— Мне было не до машин, но чужих я не видела!

— Угу.

— Что значит “угу”?! Дался тебе этот Юкон!

— Это моя машина, я на ней приехал. “Угу” значит, что к моменту твоего возвращения мою машину уже угнали.

— Ты так спокойно об этом говоришь?!

— Марша, а что мне остается? Как ты представляешь заявление об угоне от человека, который в целях безопасности должен оставаться мертвым? — напомнил я. — Хорошо. А когда ты ехала домой из города, тебе не встречались незнакомые автомобили?

— Нет! — На лбу у Марши вырос незримый рог, и сейчас он был направлен на меня. — По крайней мере, с того момента как я съехала с трассы, я никого не встретила. Видимо, они уехали раньше.

Её тело напряглось, будто она снова переживала момент возвращения. Это хорошо, в таком состоянии легче вспоминать детали.

— Когда ты приехала, дом ещё горел или пожар уже прекратился?

— Когда я ехала, дом пылал. Когда приехала, прекратился. Да, он сгорел просто как тонкие веточки в костре: вжух! — Она изобразила этот “вжух”, взметнув руки вверх, и вновь опустила их на колени. — Пожарные мне тоже не поверили. И полицейские.

— Я верю. — Я утешающе коснулся ее руки, а потом легонько сжал кисть.

Выходит, Марша просто чудом разминулась с моими убийцами. Пока она ехала основной дорогой, они двигались на выход из поселка по заброшенным проулкам. И хвала Небесам: неизвестно, чем для неё могла закончиться эта встреча.

— А ты, когда сюда приехал, старушек не видел? — пытливо уставившись мне в глаза, спросила хозяйка.

Я рефлекторно поднял взгляд вверх вправо, обращаясь к зрительной памяти.

— Нет, — помотал я головой. По дороге я точно никакого не встречал.

— А мопса? Мопса не видел? Толстого такого?

— У тебя сбежал пёс? — Я не заметил следов пребывания собаки, но животное могло обитать у Марши на втором этаже.

— Не у меня. — Она задумчиво помотала головой. — И не сбежал. Точнее, не сбежала. — Марша посмотрела мне в глаза и неожиданно улыбнулась: — Это тоже была шутка!

— Оч-чень остроумная! — буркнул я, потому что определенно не понимал, после какого слова смеяться.

— Морелли! — вдруг встрепенулась она, будто что-то вспомнив.

Я с готовностью кивнул, показывая, что весь во внимании.

— Морелли, имей в виду, — Она с угрозой покачала указательным пальцем, — ...я бы в жизни не рассказала тебе об исчезновении браслета, если бы из-за других браслетов люди не мерли как мухи, тебе понятно?

Снова кивнул. Что же тут непонятного? Хотя смысла скрывать похищение от полиции не видел, хоть убей.

...нужно всё же поосторожнее с такими выражениями. Учитывая ситуацию.

— И если кто-то узнает... — продолжила Марша. — Если ты кому-нибудь расскажешь о том, что из-под моего надзора украли экспонат, — мне конец. Карьеру в науке мне уже никогда не построить. А раз уж всё равно жизнь потеряла смысл, то почему бы не сесть в тюрьму и за убийство копа, который в этом виноват?

— Потрясающая логика! — Я помотал головой. — И ещё более потрясающий вывод!

— Ты поможешь мне найти и вернуть браслет в хранилище во что бы то ни стало! — проигнорировала мой сарказм Марша. — А я взамен буду давать...

Всё! Стоп! На этом можно остановиться!

— ...информацию и всячески сотрудничать со следствием в твоём лице. И даже позволю какое-то время у меня пожить. Всё ясно?

— Ясно, — покладисто согласился я. — Я никому ничего не расскажу, пока ты сама мне не разрешишь, и помогу тебе вернуть браслет, сколько бы времени на это не понадобилось, если только ценой решения проблемы не станет чья-то жизнь. Тебя устроит такой ответ?

— Нет, не устроит! Клянись!

Я закашлялся, пытаюсь скрыть смех:

— Это, в смысле, как?!

— А, да... — Она смерила меня скептическим взглядом. — Ты же действительно не знаешь, как! Так. Повторяй за мной! “Я, Зак Морелли, клянусь хранить тайну об украденном браслете. Если я нарушу эту клятву, пусть Амаат сожрет мое черное сердце, пусть Ам-Хех утопит меня в Огненном озере, пусть змей Хаоса Апоп разорвет меня на части, дюжину скорпионов мне в печень!”

От этих слов по коже прошел мороз, и словно эхо донеслось из давнего сна — *“похоронить заживо в саркофаге с песыми мухами — во устрашение и назидание другим!”*. Я сам не заметил, как меня передернуло.

Зато заметила Марша:

— Зак? Ты чего? Ты в порядке? Да ладно тебе, я пошутила. На вот, съешь помидорку!

Она сунула мне под нос половинку черри, приправленного солью и перцем, маленького, на один укус. Я послушно взял его губами и, сделав вид, что случайно, мазнул ими по тонким ловким пальчикам. И ощутил, как по хребту прокатилась горячая волна, как ниже пояса потяжелело от прилива крови... Удержать покерфейс оказалось непросто.

— А теперь клянись... — как-то растерянно закончила фразу Марша.

— Да клянусь я, клянусь! — проворчал я, буквально чувствуя, как на лбу проявляется надпись “Подкаблучник”.

Причем, похоже, она была там с самой первой встречи: в момент нашего знакомства я, кажется, и в сознание вернуться не успел, а уже по ее командам прыгал: “Сидеть! Нельзя! Фу!”... Ага, а потом она меня покормила, и я запомнил, что слушаться мисс Сандерс — хорошо. Всё по науке: дрессировка, положительное подкрепление и формирование рефлекса.

А вот то, что она предпочла притвориться, что не заметила моей выходки с губами — это хороший признак. Если бы ей не понравилось, она бы донесла это до меня в резкой и, вполне возможно, — физически болезненной форме.

— Тогда давай есть! — переключила она тему. — Салат уже практически готов. А тебе было бы неплохо переодеться!

— Прямо сейчас?..

— Нет, давай сначала поедим!

Я послушно раскладывал мясо по тарелкам и размышлял. С одной стороны, нет ничего ужасного в том, что я покорно следую воле хозяйки дома: я тут на птичьих правах. Я бы даже сказал, на мышиных: ем, сплю, одеваюсь, пользуюсь благами цивилизации и прячусь под веником целиком и полностью за её счет. Ещё и использую в качестве полевого агента для сбора

оперативной информации. Ай да я, ай да молодец! Послушно выполнять распоряжения Марши взамен — крохотная плата. И всё же...

Всё же еще каких-то пару дней назад, узнай о вновь открывшихся обстоятельствах дела, я бы уже выворачивал свидетельницу наизнанку, выжимая из нее всю информацию, которую только можно добыть.

А сейчас мне не то чтобы плевать на случившееся, — нихрена не плевать, и то, что произошло это рядом с Маршей, мне категорически не нравится. Но я понимал: неприятности уже случились. Они никуда не денутся. А вот мисс Сандерс — может. Я выторговал себе всего два дня, и за эти два дня я обязан ненавязчиво продемонстрировать Марше все преимущества... Постоянных? Долгих? Устойчивых? Да не суть важно, главное — отношений со мной. Например, я могу ее кормить. И починить эти чертовы ступени, на которых она утром чуть не поломала ноги.

Потому что я, кажется, определился, с кем хотел бы всю оставшуюся жизнь скандалить из-за волос в стоке ванной.

Глава 2. Сокровища

Зак

Ужин прошел спокойно, даже как-то по-семейному. У Марши словно тумблер переключили. Может, её успокоила клятва, а может, в её семье, как и у нас, было не принято обсуждать дела за столом. Она высоко оценила мой талант повара и выразила надежду, что остальное у меня выходит не хуже.

Я глубокомысленно согласился: да, я очень талантлив и разносторонне одарен! Готов продемонстрировать свои способности хоть сейчас!

Марша одобрила будущую демонстрацию, но только сначала меня нужно переодеть, сказала она. Потому что султанки немного отвлекают от восхищения и вызывают ржач. Кстати, нужно же вещи принести!

На этой мысли Марша засуетилась и пошла одеваться, чтобы выйти на улицу, а я остался убирать со стола и мыть посуду. Когда в коридоре стукнула входная дверь, я высунул нос за жалюзи. Проектор прекрасно освещал площадку возле дома, и я убедился, что хозяйка благополучно закрыла дверцу, пискнула сигналкой и вошла в дом. Я поспешил в прихожую — встречать.

Марша втащила в дом три больших супермаркетовских пакета: в одном лежала стопка книг, два других были забиты вещами.

— Неси в кухню, будем знакомиться, что там нам досталось из сокровищ Сим-сима! — торжественно велела она.

— Щедрые у тебя родители, я посмотрю! — Набиты пакеты были от души.

— Это мама, — отмахнулась Марша. — У них с отцом разные представления о прекрасном. Они сходятся только в одном: мама — самое прекрасное, что случилось в его жизни. О, я узнаю эти ботинки! Отец их купил, когда я оканчивала университет, и просто ненавидел их всех душой!

Демисезонные боты были растоптаны, краска на носках стерлась, пятки безвольно замялись, подошва на каблуках сносилась, но в целом они ещё держались молодцом. Для своего возраста.

— У твоего отца какой размер обуви? — На вид они выглядели более-менее подходящими.

— Спроси что-нибудь полегче! Какой размер обуви у папы, знает только мама и никому эту тайну не откроет. Померь!

Я развязал шнурки и сунул в ботинки ноги. Ну-у-у... Ну они мне были почти как раз. Чуть упирались пальцы, но ходить в них было можно. Недолго, но это уже что-то! Для сезона они были чуть тепловаты, но жар костей не ломит. Особенно, на ногах. Плюс они были высокие, будет не заметно, что нет носков.

Марша, которая напряженно наблюдала за моими экзерсисами с обувью, нырнула в пакет и воскликнула:

— О! Танцуй! Ля-ля-ля-ля... — Она не слишком музыкально напела какой-то мотивчик и вытащила целый узлище носков, перевязанных резиночкой. Будто услышала мои мысли. Впрочем, при примерке обуви их сложно не угадать. — Подозреваю, здесь целых не очень много, но я дам тебе иголку и нитки!

— Думаю, иголка и нитки мне пригодятся в любом случае.

Ещё в пакетах нашлись джинсы: мягкие, потертые и даже заштопанные между ног, но в ремонте не нуждающиеся (папа в них ездил в Дублин на международный конгресс, какой прогрессивный папа!). Я натянул их прямо на свои (не свои) штаны. Ну и здесь мне почти повезло. Точнее, повезло мне в любом случае: они мне налезли. Ну немного свободноваты —

было бы хуже, если бы оказались малы. А то что коротки — так ботинки высокие. В мире должна царить гармония! Зато пара теплых свитеров мне пришлось прямо в пору, спасибо вытянутым рукавам.

Марша откопала галстук в красно-синюю полоску — не знаю, зачем он нужен Армии Спасения, но я разделял желание мамы Марши от него избавиться. А! Им же можно подвязать джинсы вместо ремня, чтобы не спадали при ходьбе!

В пакете была уже не совсем белая водолазка, футболка с надписью “Я — граф!” и какой-то фигурой из черточек и шариков и бейсболка.

Не было только трусов.

К сожалению, на это упущение обратил внимание не только я. Марша щедро предложила отжалеть свои с кружавчиками или выделить угол ткани на подгузничек. Я признался, что с радостью познакомлюсь с её бельем, но при других обстоятельствах. Тем более что у меня есть такие замечательные штаники! И в свою очередь поинтересовался, не завалились ли у неё трусы от прежних владельцев? Ну вот как бизонья шуба, только мужские трусы?

Марша рассмеялась и ответила, что от прежних владельцев у неё осталась целая гора всякого никому не нужного хлама, который она никак не может выбросить. И там может быть совершенно что угодно. А может и не быть, но если мне надо, я могу покопаться. Так я получил официальное разрешение разобрать завалы на закрытой террасе, даже не упоминая, что уже там побывал.

— Мне бы постираться... — Я сжимал в охапке свою новую не новую одежду. — Можно? — Я конечно мог и на руках в тазике, но вряд ли у Марши на весь дом ни одной стиралки. — И свое постельное бельё я бы тоже хотел постирать, если можно. Завтра уже, скорее всего, оно не успеет высохнуть.

— Да, кстати! Мне кажется, мы уже достаточно близко познакомились, чтобы ты мог перебраться спать наверх!

Я выразил горячее согласие, не веря своему счастью.

— Всё же тратиться на нагрев двух бойлеров — не то, о чем я мечтала, — привела она совсем не те аргументы, которые я бы хотел услышать.

— Я обязательно всё возмещу!

— И натурой отработаешь! — строго указала Марша Сандерс, и я понял, что уже всё. Готов отрабатывать прямо сейчас. — Будешь завтраки мне готовить. И ужины.

Ну зачем так жестоко издеваться над человеком? Я только настроился...

И уже расстроился!

Тем временем мы поднялись по лестнице на второй этаж.

— Здесь у меня санузел, — показывала хозяйка. — Это постирочная, там и стиралка, и сушилка. Это библиотека, вам тут не рады. Это моя комната. А это мой кабинет, и там есть диван! — радостно добила мои надежды Марша. — Постельное бельё я тебе сегодня дам нормальное. А завтра постираешь свой чехол...

Я аж остановился на пороге кабинета от неожиданности.

— Постираешь и сложишь, для следующего нежданного посетителя, — победно улыбнулась мисс Сандерс, ни стыда ни совести. — Вот, пока будешь жить здесь! Здесь почти тепло.

“Пока” внушало надежды, но весьма смутные.

— Будешь охранять самые главные сокровища моего дома! — Марша обвела рукой стеллажи с книгами, стол с компьютером, телевизор с видеоманитофоном и да — диваном.

— Самое главное сокровище будет находится через стенку, — возразил я.

Нет, определенно жизнь налаживалась.

Особенно в перспективе.

Раздав указания, хозяйюшка стала зевать и сказала, что она сегодня совершенно не выпалась, и все эти переживания... Ей пора на боковую. Велела мне принести пакет с книгами из прихожей и закрылась у себя. В смысле, закрыла дверь. Я не услышал ни щелчка защелки, ни скрежета шпингалета.

Возможно, она закроется потом, чтобы не оскорблять меня недоверием. Хотя Марша Сандерс совсем не похожа на тех, кто печалится на тему, а не обидит ли кого неосторожным словом или действием.

Но... Марша! Оставить в своем доме совершенно незнакомого мужика, больного на голову, не имея даже замка на двери в спальне, — это каким местом думать надо было?

Может, конечно, у неё огнестрел под подушкой, и она достойная наследница ковбоев Дикого Запада: попадает в яблочко раньше, чем проснется?

Я тихо злился на Маршу — по иронии ситуации именно за то, что она меня спасла. Я-то коп и к тому же человек порядочный, меня можно оставить. А если бы на моем месте оказался не я? Под эти мысли я запустил стирку и пошел на первый этаж. Вряд ли можно было сказать, что ночью я хорошо спал. Но мне почему-то хватило. А, да! Я же ещё днём даванул массу! А там меня ждет целая пещера сокровищ!

Теперь, когда Марша была дома, можно было смело включать свет, не боясь вызвать подозрения, — лишь бы жалюзи были опущены. Я перетащил из веранды в кухню несколько набитых под завязку огромных мусорных мешков, в какие обычно складывают ненужный хлам. Как правило, старые, надоевшие или просто неудобные вещи, особенно при переезде, просто выставляли в коробках за забором или проводили “гаражные” распродажи за гроши. Но здесь, на отшибе, в забытом богом Лейк-Стоуне, где вне сезона людей только с собаками искать, устраивать такое не имело смысла. Оттого, похоже, весь сомнительный антиквариат бывшие владельцы попросту бросили на новую хозяйку: рано или поздно руки доберутся, и она сама решит, что использовать, что выкинуть.

И вот, наконец, этот поздний час настал!

Настолько поздний, что даже звездный.

Из развязанного мешка выкатились три фигурные бутылки из-под премиального виски. Я такое только издавека видел. Возможно, и бывшим владельцам они достались уже пустыми. Компанию им составил архетипичный одноглазый Тедди с оторванной лапой и “шагающая” лошадка с облезшей мордой. В коробках лежали детские книги, россыпью — журналы “National Geographic” тридцатых годов. Не удержался, сунул нос, но быстро понял, что не потяну кругосветные круизы, которые там рекламировались. Особенно сейчас. И путешествие в загадочный Египет в Долину Царей тоже не подниму, хотя браслет на плече намекал, что было бы неплохо.

Нет-нет, дорогие журналы!

Я собрал их в стопку и отнес в гостиную, в застекленный шкаф: теперь я уже был уверен, что вся обстановка первого этажа сохранилась без изменений... Да, возможно, вот с тех самых пор, когда почтальон с сумкой через плечо привозил сюда на велосипеде эти журналы.

Я не стал разбирать ворох бумаг и всевозможных рукописных тетрадок: возможно, ученических записей или кулинарных рецептов. Когда будет время, я посмотрю. Старый миксер. Воткнул в розетку — рабочий. Кастрюля со сбитой эмалью. Так, стоп! Дальше! Это здорово, но не то, что я ищу.

Ближе ко дну мешка я нашел черную шерстяную шапочку, типичную такую шапейку, по которой не скажешь, когда её изготовили: во времена первой мировой или два года назад, настолько универсальным был фасон. Рядом с шапкой валялся шарф, родственник свитеров, судя по растянутости. Под ними с ними обнаружили теплые сапоги, но, увы, женские.

Второй мешок принес мне большой улов. В нем отыскалась теплая демисезонная куртка на молнии, от которой пахло послевоенными временами. В её кармане лежали три монетки-пятицентовики (да я богач!) и неожиданно — темные очки в потертой роговой оправе.

В голове, шаг за шагом, начал складываться план действий. Добро пожаловать в себя, Закери Энрико Морелли! Я так по тебе скучал, брателло!

Вверху пиликнула стиралка, сообщая о завершении цикла. Я переложил постиранные вещи в сушильную машину и вернулся к раскопкам. Как никогда я сейчас понимал, почему Марша Сандерс выбрала свою профессию. Цикл сушки для шерсти уже подходил к концу, я стал зевать — ночь брала свое, когда наконец я нашел их: потертые, растянутые боксеры, которые определенно отложили на тряпки. Кто ищет, тот всегда найдет! Я застирал их на руках, забросил в сушилку на большой цикл для хлопка, отнес недоразобранные или невостребованные сокровища туда, откуда я их взял, и пошел осваивать новое спальное место.

Это был настоящий сверхзвуковой скачок: от приставных кухонных диванчиков и чехла для мебели до комфортного дивана с постельным бельем, настоящей подушкой и одеялом! Не могу сказать, что остро в нем нуждался, организм по-прежнему легко адаптировался к прохладе, но сам факт, что оно у меня есть!.. Я ещё раз сполоснулся, прежде чем ложиться в чистую постель, и как с горки аквапарка в воду, влетел в сон.

...Мой взгляд снизу вверх скользит по росписи на стенах: суровые воины Та-Кемета, вооруженные острыми копьями, прикрывшись щитами, наступали на врагов. Поверженные противники пали на колени и молят о пощаде. Достойное украшение для покоев военачальника.

— ...Этот мальчишка осмеливается требовать, чтобы я обращалась к нему не иначе, как “Могучий Бык, возлюбленный Богом Солнца”! — Моя Царица, Прорастающая Годами, Оживляющая Сердца, вышагивает из угла в угол, будто она не Великий Фараон, а обычная земная женщина. Печальна участь того, кто хоть на секунду примет это за истину. — Негодный щенок! — шипит она.

Негодный щенок — пасынок, коронованный как Тутмос Третий, которому на днях исполнилось пятнадцать. Через год он станет совершеннолетним, но уже сейчас он настаивает, чтобы к нему обращались как к полновластному фараону — “Великий Бык”. Это единственный титул, который Моя Царица не приняла вместе с бременем правления Верхним и Нижним Нилом.

На плече её сияет золотом божественный браслет, знак высочайшего благоволения Лучезарного Амона, открывшего Свой тайный лик ради Возлюбленной Дочери Своей. Она — как твердыня Тхаро, что стоит на пути безжалостных гиксов. Она сумела преодолеть все преграды на пути к своей цели, вынести все тяготы, подчинила вельмож: кого-то силой, кого-то подарками, кого-то обещаниями власти, — браслеты на руках её слуг выполнили свою миссию.

Она справилась со всеми.

Кроме “щенка”.

— Он требует немедленного заключения брака! — продолжает Моя Царица.

Я осмеливаюсь поднять голову: лишь немного. Она прекрасна в гневе. Она прекрасна всегда, да продлит Сехмет её годы.

— Что ты молчишь! Отвечай! — Она ловит мой взгляд, и теперь я не смею отвести глаза. В её черных глазах пылает огонь ярости.

Черный огонь. Совсем не такой, как у меня, но оттого лишь более смертоносный. Я внутренне содрогаюсь, хоть и понимаю, что она не захочет причинить мне вред: я предан ей всем своим сердцем. Но я готов стерпеть любые истязания, лишь бы облегчить сейчас её боль.

— *Отвечай!* — повторяет Прекраснейшая из Женщин, и хоть вопрос не задан, я понимаю, чего она от меня ждет.

Мне нечего ей сказать. Любой мой ответ лишь сделает хуже. Она всё знает сама, Мудрейшая из Мудрых. Всё что я могу — разделить её отчаяние.

Я вижу его сквозь пелену её негодования.

Оно разъедает мою душу, как и её.

Даже Величайшая из Фараонов не всесильна.

Влага наполняет её глаза, и я упираюсь лбом в сложенные на полу ладони.

Никто не смеет видеть слез Несущей Истину.

Она опускается на мое ложе. Её стопы стоят возле высокой изогнутой ножки с мордой льва.

— *Я устала,* — говорит она. *Если Моя Царица велит отрубить мне после этого голову, она будет права. — Я безумно устала. Подойди.*

Я повинуюсь и встаю. Плечи Связующей Все Земли безвольно опущены, будто она устала нести это бремя.

— *Разомни мне плечи!*

Мои руки опускаются на бархатную кожу, и вот уже выжигающее пламя течет по моим жилам вместо крови.

Я осторожно расстегиваю наборный усах — широкое ожерелье из драгоценных бусин. На его концах золотые рога барана, символ мудрости Благословенного Амона. Снимаю его и в который раз поражаюсь, как она носит подарок своего почившего супруга, да будет милостив Осирис к его душе. Кажется, оно весит не меньше моего доспеха.

Но она по-прежнему его носит. Каждый день. Будто хочет доказать, что её не сломать. Не согнулась тогда, выдержит и сейчас.

Чувствую, как расслабляются плечи, когда с них уходит тяжкая ноша. Я бы отдал всё, чтобы так же снять тяжесть с её души. Но я всего обычный смертный.

Осторожно веду ладонями от затылка к рукам, сдвигая с плеч наборные ленты калазириса, — будто ей там мало тяжести усека.

— *Сильнее!*

Повинуюсь и начинаю разминать затекшие мышцы.

Она была любимицей своего отца. Сын Тутмоса Первого от побочной жены всегда больше тянулся к прекрасному, чем к власти, и именно в дочери Могучий Бык Тутмос Первый видел свою преемницу.

Прекрасная Хатшепсут ею стала.

Супруг ей этого не простил.

Но спорить не стал — не такой был характер у Царя, Прекрасного в Творениях. Всё, что Амон не додал ему, вручил с довеском его сыну от наложницы, тому самому пасынку, который сейчас пытался тараном пробить стены твердыни.

Продавливаю пальцами зажатые мышцы в основании шеи: всегда держать голову высоко поднятой, а спину прямой непросто. Даже Царице. Её плечи наконец отзываются и начинают двигаться под моими руками.

Голова опускается, позвоночник скругляется, будто из него выдернули копье, на котором всё держалось. Я пытаюсь прогреть её мускулы, и острая безысходность заливает моё сердце.

— *И грудь!* — просит она, и я несмело растираю мышцы под ключицами.

— *Я, пожалуй, лягу,* — говорит она, но сама, напротив, встает.

Полосы из переплетенных камней скользят по её рукам, и сам калазирис стекает со спины и ниже, открывая сочные полушария ягодич.

Я слышу, как бешено бьётся мое сердце.

Мне кажется, его слышно даже на южной стороне дворца.

Царица укладывается на мое ложе, уткнувшись лбом в сложенные кисти.

Я скользю большими пальцами по обеим сторонам вдоль позвоночника, проминая закаливающую спину. Рисуя пальцами спирали, поднимаюсь от поясницы к плечам. Я могу охватить её спину своими ладонями, если разведу их и соединю большие пальцы на позвоночнике.

С усилием растираю кожу от центра к бокам, ощущая, как плавится под моими руками гранит её мышц. Как они оживают. Осмеливаюсь продавить чуть глубже и слышу тихий стон — не то боли, не то удовольствия.

Но раз я до сих пор жив, то скорее второе.

Позволяю своим ладоням спуститься чуть ниже поясницы в область над копчиком. Тело моей Царицы изгибается, и стон становится гортанной. Кажется, он выскреб меня изнутри, вырвал мое сердце и бросил ненасытной Амаи.

Не веря высокой чести, я будто невзначай спускаюсь руками ещё ниже, охватывая пальцами округлости и на мгновение замираю, ожидая гневного окрика. Но слышу лишь шиплое “хо-о-о-о”, от которого за грудиной вспыхивает беспощадный огонь. Я не боюсь, что он прорвется наружу. Я уже давно научился его контролировать.

Но он выжигает меня изнутри.

Мое естество каменеет, как недавно спина моей Царицы. Я грешен, и не видать мне вечного блаженства Лугов Иалу, а потому мне нечего терять, и я скользю ладонями по её бокам вверх, подныривая к верхним полушариям улады, и вновь слышу стон.

Моя душа пьет его, как путник, нашедший источник в пустыне.

Не в силах сдержаться от святотатства, я касаюсь губами её плеча.

Она начинает разворачиваться, и я отдираю себя от её тела.

Я заслужил самое суровое наказание.

Но она укладывается на спину и остается лежать.

Огромные зрачки Мариши выдают возбуждение, и я...

...Я просыпаюсь, черт возьми!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.